

— Игорь Павлович, семь лет прошло с тех пор, как произошла страшная трагедия — землетрясение в Нефтегорске. Вы тогда только вступили в должность губернатора. Как вы узнали о случившемся?

— Ночью мне позвонили, сообщили о том, что произошло сильное землетрясение на севере Сахалина. О Нефтегорске пока никаких данных не было. Администрация Охинского района, я считаю, в той ситуации действовала правильно. Сразу проверили саму Оху. Там не было видимых разрушений, которые могли бы вызвать человеческие жертвы, хотя люди высыпали на улицу, была паника. К счастью, в Оху никто не погиб. Об этом охинцы незамедли-

тели доложили в администрацию области. Наши службы сразу стали изучать ситуацию, обзванивать другие населенные пункты севера Сахалина. По информации из тех населенных пунктов, в которые удалось дозвониться, сложилась такая картина: были очень сильные толчки, есть повреждения зданий, жертв и разрушений нет. Повторяю, с Нефтегорском связи не было. И никто не мог знать, что же там произошло. Была глубокая ночь.

— Ранним-ранним утром, как это обычно бывает в экстренных ситуациях, все собралось в администрации; я, мои заместители, начальники служб гражданской обороны. И стали решать оперативные вопросы — помочь службам в восстановлении поврежденных, оценка ущерба и так далее. Но в тот момент вопрос о вылете губернатора не стоял. Потому что в любом случае старшая была на месте, ведь все управление идет отсюда. Срочно начали комплектовать группы, бригады специалистов для оценки ущерба, которые должны выезжать для работы с людьми. И мы еще не знали, насколько серьезна и трагична ситуация.

— Ну что можно почувствовать, когда видишь аккуратные, как могильные холмики, руины восьмидесяти квартирных домов; когда слышишь, как из-под завалов кричат люди. Два дома горят. Поселок же был газифицирован. Те, кто остался в живых, просто могли сгореть заживо в этих завалах.

— Увидев такую страшную картину, конечно, каждый почувствует огромную человеческую боль и горе. Но предаваться эмоциям там некогда было. Я почувствовал колоссальную ответственность за этих людей. Надо было срочно принимать меры. Прежде всего по доставке тех-

ники, чтобы разбирать завалы, срочно спасать живых людей, погребенных под разрушенными зданиями.

— Игорь Павлович, человеческая память избирательна. Из всей этой ужаснейшей картины что вам особенно вспоминается или неизменно всплывает в вашей памяти?

— Сложнее всего было, наверное, общаться с живыми, которые металась между разрушенными зданиями. Успокаивать их. Десятки людей требовали немедленно помочь их родственникам. Помню, подбежал мужчина: «...там, — кричит, — моя жена: помогите!». Чем? Дороги все разрушены, техника быстро подойти не может. Человек прекрасно понимает, что он ставит совершенно

чуждо, опознавать. Это тоже была очень большая проблема. Что касается живых. Во-первых, я считаю, наши медики сделали очень многое и серьезно работали, потому что все, кого доставали живыми и ранеными из завалов, тут же поступали в их руки, и они делали все возможное. Существовал транспортный конвейер, который работал на Южно-Сахалинске, Хабаровске и Владивостоке. В три точки отправляли из Нефтегорска, так как расстояние до этих пунктов почти одинаковое. Оказав первую помощь в полевых условиях, мы стремились как можно быстрее доставить людей в стационары, чтобы можно было принять все меры к их спасению.

— Что касается обеспечения людей.

жилье в областном центре, в Охе. Они заявляли: никаких «Сахалинов», слышать не хотим о вашем Сахалине! Только на материк. Но это была первая реакция.

— Вместе с министром МЧС Сергеем Шойгу после нефтегорского землетрясения первый раз и внедрили вариант жилищных сертификатов. И когда люди услышали об этих сертификатах, стали говорить: нет, давайте нам деньги. Объясняли, что денег никто давать не будет, потому что правительство приняло решение — только сертификаты. Деньги имеют свойство расходуется. А потом — ни квартиры, ни денег. Тогда стали соглашаться на сертификаты, но только на материк. Я убеждал, что они нам родные, а на материке мы им не всегда сможем помочь, слишком далеко. Так и случилось в общем-то.

— Значительная часть согласилась получить жилье на Сахалине: в Южно-Сахалинске, Охе, Ногликах. Большинство, получив сертификаты, поехали на материк. И очень сложно им пришлось решать там все вопросы. Потому что, сдав сертификат местным властям, они получали квартиру через определенное время, а не сразу.

— По последним данным, из 750 семей (полных, неполных) более половины обеспечивалось жильем здесь на Сахалине, менее половины — в Хабаровске, Владивостоке и других населенных пунктах России. И могу сказать, что все обязательства перед нефтегорцами на тот момент мы выполнили: и по выплате средств, и по обеспечению жильем.

— Да, сегодня тоже возникает кое-какие моменты: кто-то считает, что ему надо было дать две квартиры, а не одну, хотя решалось все комиссионно. Кто-то только сейчас говорит: я пострадавший Нефтегорска. Но выясняем — человек был осужден в тот момент. Конкретно, в прошлом году мне пришлось этим заниматься. «Мама там погибла, — говорит он. — Я имею право на жилье». Я отвечаю: «Нет. Вот если бы вы служили в армии, то имели бы

первое время, пока не закончились спасательные работы, нефтегорцы не хотели уезжать, ждали, что доставят их родственников. Понятно, все они надеялись и находились рядом, жили в непригодных помещениях. Когда закончились работы по переборке зданий и мы убедились, что достали всех живых и практически всех погибших, ис-

— Игорь Павлович, со дня трагедии в Нефтегорске прошло семь лет. Для тех, кто пережил эти страшные дни, ужас землетрясения останется в памяти на всю жизнь. Что мы должны сделать, чтобы и через десять, и через пятнадцать лет люди вспоминали тех, кто погиб, тех, кто спасал пострадавших?

— Вы знаете, я тогда предвидел и говорил, что мы теперь всю жизнь будем вынуждены и обязаны помогать этим людям, потому что многие так и не адаптировались. Они не пережили этой трагедии, и она будет с ними до конца дней.

— Что нам нужно делать? Ну, во-первых, те, кто получил увечье, инвалидность, должны получать в полной мере от государства то, что положено. Что касается здоровых людей — надо помогать им адаптироваться и работать. Молодежи учиться, мы им всем в этом помогли и помогаем. Всем молодым людям даем возможность получить образование, в этом никаких ограничений не было.

— А второе, мы должны помочь людям, чтобы они по мере возможности бывали на месте трагедии, на могилах своих родственников. Наша, да и общая задача — поддерживать мемориальные комплексы, которые созданы там. Пожалуй, вот это основное.

— Я хочу еще раз высказать слова благодарности и признательности всем, кто принимал участие в спасательных и аварийно-восстановительных работах, прежде всего своим землякам, жителям области, которые первыми пришли на помощь попавшим в беду нефтегорцам, работникам МЧС и прежде всего министру Сергею Кужугетовичу Шойгу за то, что он лично прибыл и руководил всеми спасательными работами профессионально. Нам серьезную помощь оказывали армейские подразделения, пограничники, и им большое спасибо. Нефтяникам, которые в первую очередь

Трагедия в Нефтегорске. Как это было.

Со дня трагедии в Нефтегорске прошло семь лет. Для тех, кто пережил это страшное время, ужас землетрясения останется в памяти на всю жизнь. Как это было? Что мы должны сделать, чтобы и через много лет люди помнили тех, кто погиб, и тех, кто спасал пострадавших, чтобы оставшиеся в живых не остались в одиночку с своими проблемами? Об этом интервью с губернатором Сахалинской области Игорем ФАРХУТДИНОВЫМ.

но нереальную задачу, что огромные бетонные плиты, блоки вручную поднять невозможно. Люди сами пытались что-то сделать, разбирая завалы, в кровь разбивали руки. Но... ничего не могли. Общение с этими людьми было особенно тяжелым. На вице-губернаторе Шаповале, который по моей команде непосредственно занимался этими работами, обезумевшие от горя люди разорвали в клочья свитер, тащили в разные стороны...

— Техники практически не было, дватри маломощных крана не могли решить проблему, да и приспособлены они были больше для нефтяных работ. Ее трудно было распределить: каждый считал, что нужно расширять тот подъезд, где была его квартира. Хочу напомнить, что мы по всей области собирали краны. Причем брать старались японские, с длинной стрелой. Учитывая, что в 95-м году техники было немного, это было серьезной проблемой.

— Игорь Павлович, не так давно на центральном телевидении прошла программа «Как это было», посвященная нефтегорским событиям. Из нее было понятно, что главными героями являются москвичи. Но мы знаем, что москвичи прилетели потом. На ваш взгляд, на чьи плечи легла тяжесть первых часов трагедии?

— Прежде всего на самих же жителях Нефтегорска, оставшихся в живых: кто был на вахте в это время,

поврежденных железнодорожных путей и мостов доставить на место трагедии. Тем более что до Нефтегорска вообще нет железной дороги. Занимались и наведением понтонных мостов, чтобы срочно везти туда технику. Любый спасатель что может сделать голыми руками?

— А с самого начала, да и за все время проведения спасательных работ, все основные трудности вынесли на себе сами жители Охинского района. Каждый делал свое дело.

— Какими были убытки, помимо человеческих жертв?

— Знаете, я бы сейчас не стал называть эти цифры, потому что они были разными и не все приняты соответствующими министерствами. Мы говорили, по министерству связи убытки вот такие, они приезжают, говорят — нет, значительно меньше. Я должен просто поблагодарить бывшего министра энергетики Шафранника, который действительно очень серьезно помог. И если бы не его лоббистская деятельность, в том числе в правительстве, «Сахалинморнефтегаз» свои раны не залзал бы так быстро. Конечно, не все восстановлено в основном производстве. Но то, что бывший министр очень серьезно помог нашему акционерному обществу в ряде вопросов, — это факт. Не все министерства однозначно помогали.

— Что делала администрация области для ликвидации последствий землетрясения и обеспечения жильем пострадавших?

— Да, самое-то главное было с людьми. Погибших надо было хо-

чезла последняя надежда у многих. Тогда мы уже стали с ними разговаривать о жилье. До этого было спокойно. И после этого нефтегорцы начали задавать вопросы, где они будут жить. На первом импровизированном собрании, а я их там проводил много, люди категорически отрицали Южно-Сахалинск. Реакция была бурной, когда нефтегорцы услышали, что мы будем давать

право на предоставление жилья. А коли вы были осуждены, то потеряли право на это жилье». А перед остальными, повторюсь, — в соответствии с теми положениями, которые были утверждены правительством в области, мы все обязательства выполнили: и по выплате денежных довольствий, и по обеспечению жильем, и сертификаты потом превратились в жилье.

занимались спасением своих коллег и членов их семей. Я думаю, что государство высоко оценило эти самоотверженные действия. И значительная группа наших земляков награждена государственными наградами за проведение спасательных и аварийно-восстановительных работ.

Подготовил Илья КАСЬЯН. Фото Сергея АГЛИЧЕВА.